

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР. ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XI

СТРАНЫ И НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

В. С. Колоколов

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О КИТАЙСКОЙ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ЯЗЫКЕ

Мне выпала высокая честь ознаменовать этимopusом юбилейную дату в жизни Бориса Ивановича Панкратова — выдающегося знатока почти всего Дальнего Востока, свободно владеющего китайским, монгольским и маньчжурским языками, а также санскритом, не говоря уже о европейских языках.

События в жизни ученого, как отмечает Г. М. Добров, служат также фактами для качественного (содержательного) анализа двух главных наук — философии и истории, систематически изучающих опыт всех других наук [1, 5—6]. Таких событий в жизни Бориса Ивановича целая уйма, но мало кто о них знает. Все, кому дорог Борис Иванович как ученый, как педагог, наконец, просто как замечательный человек и как «кладезь знаний», не могут мириться с тем, чтобы в тени оставались научные факты, которыми он располагает, добыв их ценой многолетних странствований по ряду государств Восточной Азии. Надо надеяться, что посвященное 75-летию со дня рождения Бориса Ивановича заседание Восточной комиссии Географического общества, где в полный голос прозвучал рассказ о его жизни и о его научных заслугах, послужило стимулом не только к созданию этого сборника в честь нашего выдающегося востоковеда, но и большего внимания к нему со стороны всей советской общественности.

Я знаю Бориса Ивановича почти пятьдесят пять лет, с 1913 г., когда мы впервые встретились в Пекине. Помнится, он разгуливал по пекинской стене, когда гурьба китайских мальчишек, с которыми я рос, учился и играл, кинулась к нему с криком: «Ян гуйцзы!» («Черт заморский!»). Борис Иванович был тогда студентом Владивостокского восточного института и проводил каникулы в Пекине, побуждаемый к этому своей любознательностью. Каково же было изумление всех мальчишек, услышавших находчивый ответ на чистейшем пекинском диалекте. Так состоялось мое первое знакомство с Б. И. Панкратовым. С годами я все больше преисполнялся чувством уважения к Борису Ивановичу как выдающемуся ученому и человеку. Выражая свои сердечные чувства юбиляру, я решил написать эту небольшую статью, где излагаю некоторые свои соображения о характере китайской иероглифической письменности и классического китайского языка, выдающимся знатоком которых является Борис Иванович.

«Знание — сила» — этими словами Фрэнсиса Бэкона назван советский журнал для юношества, в третьем номере которого за 1955 г. я дерзнул поместить статью о китайской письменности. В ней я писал о самих иероглифах, почти не касаясь вопроса о письменном языке, созданном на базе этих же иероглифов-символов.

«Все отрицать или во все верить, — писал Жюль-Анри Пуанкаре, известный математик и философ, — одинаково удобно, потому что и то и другое избавляет нас от необходимости рассуждать» [2, 1]. Вряд ли, однако, нужно доказывать, что никакая наука без размышлений не обходится. Взаимосвязь размышления с научным поиском установлена очень давно, подтверждением чего может служить также и разбираемое ниже изречение в китайской классической книге «Лунь-юй», которую я когда-то учил наизусть в китайской школе. Мой перевод этого изречения, состоящего всего лишь из двенадцати иероглифов, из которых пять пар идентичны, основан на длительном размышлении о китайской иероглифической письменности. В дальнейшем изложении я хотел бы, предваряя перевод изречения в конце статьи, изложить свои представления о моем подходе к этой удивительно живучей письменности, которую неизвестный мне мой тезка, Всеволод Чешихин, пытался приспособить к использованию в качестве всемирного письменного языка [3, 18—22].

«История китайского языка, — пишет акад. Н. И. Конрад в статье „О китайском языке“ [4], — нам известна более чем за три тысячи лет. Датированные памятники непрерывной цепью идут с VII века до нашей эры. Эти памятники самые разнообразные; они отражают все стороны культурной жизни китайского народа. Среди них огромная философская литература, особенно отчетливо передающая размах и силу теоретической мысли. Если бы она, эта литература, была более известна у нас, мы увидели бы, что развитие теоретической мысли в древнем и средневековом Китае ни в какой мере не уступает прославленным проявлениям этой мысли в древней Греции, в средневековой Европе, в мусульманском мире средних веков...» [4, 49].

Ясно, что с помощью древнейших рисунков, пиктограмм, резов и прочих приемов первобытного письма создать подобную литературу, о которой так восторженно высказался акад. Н. И. Конрад, совершенно невысказано. Больше того, в той же статье совершенно справедливо отмечено: «..китайский язык уже с древних времен был полноценным средством выражения сложной человеческой мысли ..сейчас он по мощи своих средств стоит в ряду самых развитых языков мира... Достаточно сказать, что и любая работа, скажем по ядерной физике, может быть написана на китайском языке так же легко, как она пишется на любом другом из культурных языков мира» [4, 50].

Акад. Н. И. Конрад в приведенной цитате под китайским языком, несомненно, подразумевает иероглифические тексты, так как других видов письма, насколько мне известно, в древнем Китае не было. Об исключительном положении иероглифов в китайской письменности свидетельствуют в своих научных трудах сами же китайские ученые. В самом деле, вся древняя китайская наука о языке сводилась к изучению иероглифов, к их классификации и систематике в самых различных аспектах. Древнейшей книгой, посвященной смысловой стороне иероглифов и их синонимике, если можно так выразиться, является книга «Эр-Я», составление которой началось чуть ли не с IX в. до н. э. Но наиболее важной и ценной книгой является, как это признают все

китайские ученые, «Шо вэнь цзе цзы», датируемая первым веком нашей эры. Ее автор, Сюй Шэнь, впервые дал пояснения иероглифам и охарактеризовал их структуру. Он сгруппировал иероглифы по внешнему сходству и подразделил их на 540 рубрик (отделов) по смысловому (семантическому) содержанию. В эпоху Тан (618—906), особенно в период увлечения поэзией, появились поэты-каллиграфы Юй Ши-нань (558—638), Ли Бо (701—762) и др. Но поэзия немыслима без звучания слов, что и вызвало появление в свет замечательного словаря-справочника для поэтов — книги «Гуан юнь» (XII в.), в которой все письменные знаки группируются по принятым в эпоху Тан звучаниям. Словари рифм положили начало внимательному изучению фонетики, как она отражена в иероглифике.

Было бы ошибочно думать, что этими тремя книгами исчерпывается обширная китайская литература по изучению иероглифов. В список пособий, обязательных для студентов-филологов Пекинского университета, в 1959 г. было включено 96 названий капитальных трудов по истории развития китайской письменности. Среди них упоминаются прописи знаменитого каллиграфа Ван Си-чжи (321—379), а также компиляция Дуань Юй-цая, вобравшая почти все комментарии и разнописи к книге «Шо вэнь цзе цзы», в которой даны пояснения к составу каждого иероглифа.

Весьма любопытны сведения о количественном росте иероглифов по эпохам (династиям) в Китае, приводимые в виде таблицы Лай Юй-санем в пособии по китайской письменности [5]:

Эпоха	Количество иероглифов	Источники
Чжоу	9 000	«Чжоу вэнь» и «Шо вэнь цзе цзы»
Цинь	9 353	«Сяо чжуань»
Хань	10 510	«Шо вэнь цзе цзы»
Вэй	18 150	«Гуан Я»
Цзинь	12 824	«Цзы линь»
Лян	22 779	«Юй пянь»
Тан	36 194	«Гуан юнь»
Сун	34 235	«Тун чжи лю шу люэ»
Юань	данных нет	
Мин	33 179	«Цзы хуэй»
Цин	42 174	«Кан-си цзы дянь»

В переводе на русский язык название последнего из источников, указанных в таблице, примерно означает: «Свод иероглифов, составленный в годы „благополучного сияния славы“». Этот большой словарь был издан в 1716 г. и служил своего рода официальным справочником для правильного написания, толкования и прочтения каждого иероглифа, вошедшего в его состав. Словарь этот разбит на 214 отделов соответственно основным темам или материям, а внутри каждого отдела иероглифы расположены по числу черточек в возрастающем порядке их написания. По явному недоразумению этот результат творчества более 300 ученых при дворе маньчжурского императора, правившего Китаем уже в качестве китайского богдыхана, был принят европейскими миссионерами в Китае, а вслед за ними и некоторыми видными европейскими учеными не как справочник-энциклопедия, а как начальное пособие, что, естественно, дезориентировало многих китаеведов и повлекло за собой сбивчивое и невразумительное объяснение всей системы китайской письменности. Так, например, начальные знаки ука-

занных выше 214 отделов словаря были названы европейцами «ключами», знание которых якобы, как мне говорил один из английских китаеведов, позволяет «открыть двери в кладовую китайской премудрости». Однако практика вскоре показала, что эти пресловутые ключи не только не помогают европейцу открыть «тайну» китайского письма, но еще более усугубляют ее. Вот что писал об этом акад. Василий Павлович Васильев: «Итак, благодаря небольшому количеству взятых в ключевой системе знаков для распознавания иероглифов произошла путаница, сбивающая с толку учащегося. Но европейский гений давно уже чувствовал необходимость освободиться из-под китайской рутины: мы знаем, что, когда еще Пруссия не была королевством, некто Андрей Мюллер трудился над упрощением расположения китайских иероглифов. Но только в 1841 году появился первый дельный труд по этой части: мы разумеем китайский словарь г. Каллери... Этот труд не был, кажется, оценен достаточно... кажется, они (европейские синологи. — В. К.) не старались рекомендовать этот труд и своим ученикам...» [6, 4].

Неутомимо работая над изучением графики китайских иероглифов, «исписав кипы бумаги», как признается сам акад. В. П. Васильев в цитируемом выше произведении, он первый из всех европейских ученых открыл графическую систему в структуре китайских иероглифов и изложил ее в самой популярной форме. «Рассматривая иероглифы в письменном составе, находим, что они бывают простые и сложные, в последние входят по большей части те же простые знаки, которые сами по себе, в измененном или неизменном виде, имеют значение, и потому, конечно, сложные иероглифы должны быть распространены по простым» [6, 7].

Большим подспорьем для меня в раздумьях и размышлениях над иероглификой, над методами ее изучения и преподавания явился труд Леона Вигера «Китайские иероглифы», который мне преподнес в подарок в 1924 г. проф. Б. К. Пашков. Часть этой книги, касающуюся анализа иероглифов, перевел с французского языка на русский и издал стеклографическим способом мой ученик — Итыгин. В предисловии к своей работе Л. Вигер писал: «Идею написать эту книгу мне внушил следующий абзац из книги Этьена Фурмона... (далее следует латинский текст, который я опускаю. — В. К.). Плохая латынь, но идея прекрасна. Проанализировать органическую структуру иероглифов, а затем сгруппировать по их элементам в порядке логическом и одновременно синоптическом (что позволяет одним взглядом обнять все части целого. — В. К.)! Все свободное время я вынашивал эту идею!» [7, 3].

Тщательно изучив книгу Л. Вигера, я понял, что вовсе не нужно запоминать иероглифы сотнями, тысячами и десятками тысяч. Надо всего лишь твердо заучить и знать смысл 223 элементов, из которых путем парных, тройных, учетверенных и даже упятеренных и более сочетаний в разных (!) комбинациях образуются и могут еще образовываться огромные количества иероглифов, соответственно росту все новых и новых понятий и терминов по мере прогрессирующего развития всех человеческих знаний. В современном Китае новая терминология преимущественно создается за счет иероглифики, а именно:

1. Путем сочетания элементов и идеограмм в новом расположении. Так, например, «водород» обозначается сочетанием элемента «Ци» (воздух, пар, № 7794 по «Китайско-русскому словарю», под ред. проф. И. М. Ошанина, М., 1955) с идеограммой «Цзин» (русло реки, № 121, там же), взятой в качестве рудимента иероглифа «Цин» (легкий по весу, № 127). Получается новый сложный знак с чтением «цин» [водород (H), № 7796], т. е. газ (ср. воздух, пар) легкий по весу.

2. Путем использования иероглифов, первоначальные значения которых уже давно вышли из употребления. Например, сочетание усеченного иероглифа, принятого в значении «кислород», с только что приведенным сложным знаком, обозначающим водород, образует иероглиф с чтением «цин»», когда-то очень давно обозначавший вымершую породу овец. Ныне ему придано значение «гидроксил» (окись водорода). (В словаре он не оказался.)

В области химии за первую половину XX в. было создано не менее двухсот новых иероглифов, в большинстве прочно вошедших в научную практику китайских ученых-химиков. Не может быть сомнений в том, что и в других областях естественных и технических наук наблюдается такое же обогащение иероглифического запаса новыми знаками.

Основной принцип, которым руководствуются все создатели китайских иероглифов, начиная с древнейших времен,— это комбинирование и логизирование различных понятий, от простых до самых сложных, обозначаемых условными знаками, напоминающими схематичные пиктограммы. К такому выводу я пришел не сразу. Теперь, обращаясь мысленно к пройденным этапам в изучении китайской письменности, с детских лет, даже до поступления в школу, я вспоминаю занятия с китайской графической головоломкой в виде квадрата, разделенного диагональю и параллельной ей линией внутри квадрата на семь геометрических фигур: два больших прямоугольных треугольника, два таких же маленьких, один средний треугольник, тоже прямоугольный, один маленький квадрат, сторона которого равна катету среднего треугольника, и один ромбовидный параллелограмм, равный двум маленьким треугольникам, сложенным по катетам. Используя специальное пособие, составленное для занятий с детьми преподавательницей Цю Фэнь-ши, из этих семи фигурок можно было составить 1500 разных фигур, в том числе более двухсот иероглифов [8, 1—2]. В детстве я, конечно, не понимал, какую цель преследовали мои китайские наставники, заставляя складывать эти фигуры. Теперь же вполне уразумел. Во мне пытались развить способности к комбинированию простейших элементов, к комбинаторной логике. Что ж, в какой-то мере цель была достигнута хотя бы потому, что я не робею перед новым иероглифом и расшифровываю его по составным частям и по контексту, прежде чем братья за словарь, чтобы проверить себя.

Труднее всего оказалось с переводом текста, написанного иероглифами, в расчете на зрительное, а не на слуховое восприятие текста, т. е. на письменном языке взъязынь. На этом языке написана огромная литература, вся древняя китайская классическая философия и история. Как и следовало ожидать, недостаточно знать отдельные иероглифы, чтобы читать составленный из них текст. В связи со сказанным можно напомнить слова акад. Л. В. Щербы: «...обучаясь иностранным языкам, мы очень скоро убеждаемся, что действительность в разных языках представлена по-разному. Каждое новое иностранное слово заставляет вдумываться в самое существо человеческой мысли» [19, 43].

Примерно такую же мысль высказывает и К. А. Ганшина в статье «К вопросу о роли и значении перевода в преподавании иностранных языков»: «Польза перевода, проводимого вдумчиво, с тщательностью после истолкования и проработки текста, может быть очень велика. Посредством его достигается большая точность проникновения в чужой язык; сравнивая два языка, родной и иностранный, учащийся постигает особенности обоих, кроме того, он приучается к точности и правильности выражения, научается внимательно читать текст» [10, 4].

Как известно, в китайском письменном литературном языке вэнь-янь слова не имеют тех морфологических признаков, которые для нас привычно считать конкретными грамматическими формами. В иероглифическом тексте, написанном на вэньянь, есть только деление иероглифов по их функциям в связном тексте на шесть стилистических троп и на два класса: а) иероглифы, сохраняющие реальный смысл и действительное содержание и называемые по-китайски «ши-цзы» («полные» знаки); б) иероглифы, не сохраняющие реального смысла, или знаменательного значения, носящие китайское название «сюй-цзы» («пустые» знаки), причем четкой грани между этими двумя классами иероглифов нет, она устанавливается по контексту, т. е. путем логических рассуждений и размышлений. Вот и все.

В предисловии к русскому изданию книги Люй Шу-сяна «Очерки грамматики китайского языка» ее автор, видный современный лингвист, пишет: «Меня всегда занимал вопрос, почему старые китайские ученые с таким упорством посвящали свою жизнь изучению китайской фонологии и лексикологии и в то же время, по-видимому, не прилагали особых усилий к тому, чтобы написать систематический курс грамматики. Они писали целые книги о „пустых“ знаках (служебных словах, в самом широком смысле этого слова, включая личные и указательные местоимения и многие наречия), писали комментарии к необычным синтаксическим конструкциям, но дальше этого не шли. Может быть, и в самом деле, кроме „пустых“ знаков и необычных конструкций, в китайской грамматике нет ничего, что затрудняло бы китайца — живого носителя своего языка, даже при изучении норм старого литературного языка,— в такой степени, как затрудняет его лексика?» [11, 11].

Вот так, путем поисков, размышлений и снова поисков, я пришел к решению загадки письменного китайского языка вэньянь, в основу которого положена не грамматика, а силлогистика, требующая умения рассуждать. Одним из немногих, кто компетентен судить об этом, является наш многоуважаемый Борис Иванович.

Приведу теперь изречение из книги «Лунь-юй» и попытаюсь с изложенных позиций подойти к его истолкованию, а затем и к переводу на русский язык.

Текст изречения привожу в номерах иероглифов, под которыми они значатся в «Китайско-русском словаре», 1955 г. издания, под ред. проф. И. М. Ошанина:

Сюе	Эр	Бу	Сы	Цзэ	Ван
3140	3750	7977	8579	2968	3809
Сы	Эр	Бу	Сюе	Цзэ	Дай
8579	3750	7977	3140	2968	1455

Выделяю сначала «пустые» знаки («сюй-цзы»), каковыми являются 3750, 2968 и знак отрицания (не, нет) — 7977. Реверсия знаменательных знаков («ши-цзы») 3140 и 8579 сразу же бросается в глаза при сличении обеих строк, намеренно написанных одна под другой, чтобы легче было сопоставить оба ряда. Их значение на русском языке может быть выражено существительными либо глаголами — словом, так, как это удобно для русского языка, но не выходя за пределы реальных значений. Так, иероглиф 3140 можно переделать словами «учение», «наука», «учиться», «заниматься науками», «учись», «учитесь» и т. п., а 8579 — «дума», «размышление», «мысли», «размышлять»,

«думать», «думай», «думайте» и т. п. Два последних знака — 3809 и 1455 — тоже являются знаменательными. Первый из них имеет значение «попасть в сети», «запутаться в сетях», «исчезнуть», «пропасть» или «силки для ловли птиц и зверей». Читая разные тексты и подставляя к ним подходящие значения, автор полного китайско-русского словаря Палладий Кафаров придал этому иероглифу еще и такие значения: «нарушить», «развращать» (?), «обманывать» (заманивать в сети?—В. К.), «неправильно», «неверно», а также абстрагированное обозначение отрицания «не» (запреты.—В. К.) [12, 62]. Второй — 1455 — означает «опасность», «погибель», «попасть в беду», «быть в опасности» и т. п. Все эти значения я могу подкрепить анализом составных элементов соответствующих иероглифов, но нет необходимости в этом. Когда-то рекомендовалось переводить текст слово в слово в неопределенных грамматических формах, а затем пытаться додуматься, что может означать их совокупность. Такой подход, безусловно, приводил к нелепостям. Были и другие методы, в которых отводилось большое внимание «пустым» знакам, которым подыскивались подходящие грамматические значения. В этом особенно преуспел немецкий синолог прошлого века Георг Габеленц [13], но у него в разных частях его книги (в аналитической и синтетической) порой одни и те же примеры одинаковых по содержанию китайских текстов переведены почему-то по-разному (sic!).

Попробуем подойти по-иному. Примем, что знак 3750 служит для обозначения конъюнкции или дизъюнкции, смотря по тому, является ли высказывание, суждение или умозаключение положительным либо отрицательным. Тогда в зависимости от этого мы и можем передавать его словами «и», «а» («но») и т. п.

Примем, что знак 2968 выполняет функцию союза следствия, короче говоря, «функтора» импликации, указывающего на консеквент. Тогда мы можем смело переводить его словами «то», «тогда», «в таком случае», «следовательно» и т. п. Можно также вводить в antecedенте соответствующие условные и условно-временные союзы «если», «когда» и т. п.

Вот теперь можно будет попытаться дать черновой перевод, литературную обработку которого я всецело предоставляю всем, кто владеет хорошим литературным слогом в русском языке.

Итак, один из многих возможных вариантов перевода:

«[Когда] учатся, но не размышляют, тогда запутываются, [как в сетях]:

[Когда] размышляют, но не учатся, тогда попадают в беду»¹.

Когда-то академик Василий Михайлович Алексеев писал: «Европеец нашего времени, занимаясь китайской археологией, не посмеет более пробавляться кражей китайского научного достояния, пользуясь своей переводческой адаптацией, а должен, углубясь в науку китайцев по-настоящему, видеть в ней собственный оригинальный путь» [14, 80].

В какой-то мере я стараюсь следовать этому предназначению в силу своих скромных познаний, накопленных за полвека, и отразил его, как сумел, в этом небольшом произведении.

Позволю себе на этом закончить этот маленький опус, в который вкладываю свои большие и глубокие симпатии к Борису Ивановичу Панкратову.

¹ «Лунь-юй», гл. 2 («Вэй чжэн»), § 15. Перевод проф. Джемса Легга: «Learning without thought is labor lost; thought without learning is perilous» [15, 150].

ЛИТЕРАТУРА

1. Добров Г. М., «Наука» о науке (Введение в общее науковедение), Киев, 1966.
2. Пуанкаре Ж.-А., Гипотеза и наука, М., 1903 (предисловие).
3. Чешихин В., О приспособлении китайской грамоты к роли всемирного письменного языка, — «Вестник Азии», 1916, № 4.
4. Конрад Н. И., О китайском языке, — «Вопросы языкознания», 1952, № 3.
5. Лай Юй-синь, Хань вэнь дэнь (A Manual of Chinese Grammar for Middle Schools), т. 1, изд. 18, Шанхай, 1924.
6. Васильев В. П., Опыт первого китайско-русского словаря по графической системе, СПб., 1867 (литографское издание, предисловие).
7. Wieger L., Caractères Chinois. Etymologie, Graphies, Lexiques, Hien-hien, 1924 (Préface).
8. Цю Фэнь-ши, Ци цяо ба фэнь ту (A Book on the Construction of Figures by Seven Pieces of Metals), изд. 5, Шанхай, Commercial Press, 1926 (предисловие, разд. «Ту шо»).
9. Щерба Л. В., Преподавание иностранного языка в школе, — сб. «Общие вопросы методики», М., 1947.
10. Ганшина К. А., К вопросу о роли и значении перевода в преподавании иностранных языков, — «Сборник материалов по методике преподавания иностранных языков», М., 1925.
11. Люй Шу-сян, Очерк грамматики китайского языка, М., 1961.
12. «Полный китайско-русский словарь Палладия и Попова», т. I, Пекин, 1888.
13. Gabelentz G. v. o. n., Chinesische Grammatik, Leipzig, 1888.
14. Алексеев В. М., Судьбы китайской археологии (отдельный оттиск из «Известий РАИМК», М., 1924, т. 3, № 3).
15. Legge J., Chinese Classics, vol. 1, Oxford, 1893.